

Ю. М. МЕЛЬНИКОВ

«АЗИАТСКАЯ ДОКТРИНА» ПРЕЗИДЕНТА Л. ДЖОНСОНА *

«АЗИАТСКАЯ ДОКТРИНА» В ДЕЙСТВИИ

После 8-часовой дискуссии сенат США подавляющим большинством голосов (88 против 2) одобрил «Тонкинскую резолюцию». Палате представителей понадобилось для этого всего... 40 минут при соотношении голосов 414 к 0. Белый дом торжествовал. Ни президент, ни конгресс не предполагали в тот момент, какой дорогой ценой Америке придется расплачиваться в ближайшие годы за авантюристические планы правительства Джонсона в Азии, за предоставление ему свободы рук на их осуществление.

Тем не менее до самого дня выборов Джонсон, отдавая отчет в том, какое осуждение со стороны большей части американского и мирового общественного мнения вызывает воинствующая позиция его соперника на выборах, почти полностью совпадавшая с уже разработанными агрессивными планами Белого дома, продолжал разыгрывать из себя «твердого», но миролюбивого деятеля, отклоняющего все предложения Б. Голдуотера о бомбардировках ДРВ.

В предвыборном выступлении в Стоунуолле (Техас) президент сказал: «Я получил совет нагрузить наши самолеты бомбами ибросить их на определенные районы, что, по моему мнению, расширило бы войну, привело бы к ее эскалации и заставило бы нас послать американских парней участвовать в войне, которую, как я считаю, должны вести азиатские парни... По этой причине я не последовал совету, который привел бы к расширению войны»¹.

Однако почти в это же самое время — 7 сентября 1964 г. — в Белом доме было достигнуто полное согласие о том, что бомбардировки ДРВ военно-воздушными силами США начнутся вскоре после Нового года. Окончательное решение по этому вопросу было принято 3 ноября — в день победы Джонсона на выборах! В документе, одобренном высшими руководителями США в конце ноября, подчеркивалось, что бомбардировки будут распространяться все дальше на север и «в конце концов могут привести к таким мерам, как воздушные удары по всем крупным, имеющим военное значение объектам, минирование с воздуха портов и американская морская блокада ДРВ». Одновременно было решено информировать о запланированных военных акциях союзников США в этом районе — Великобританию, Австралию, Новую Зеландию, Таиланд и Филиппины — и потребовать от них не только поддержки этих акций, но и посылки их вооруженных сил в Индокитай².

Широкое осуществление разработанных Вашингтоном планов развертывания открытой агрессивной войны против вьетнамского и других народов Индокитая началось 6—13 февраля 1965 г., когда в ответ на удары партизан Фронта национального освобождения Южного Вьетнама по американским военным лагерям в Плейку и Квинхоне президент отдал приказы сперва о «репрессивных», а затем о систематических

* Окончание. Начало см. в предыдущем номере нашего журнала.

¹ E. F. Goldmann. The Tragedy of Lyndon Johnson. London, 1969, p. 234—235.

² «The Pentagon Papers», by «The New York Times». New York, 1971, p. 365—366.

бомбардировках американской авиацией Демократической Республики Вьетнам. «Это должно было стать обычной практикой администрации Джонсона,— отмечал американский журнал «Ramparts»,— когда то или иное событие использовалось как предлог для осуществления действий, которые были уже намечены»³.

Так как варварские бомбардировки ДРВ не могли предотвратить дальнейший подъем национально-освободительной борьбы и прогрессирующее разложение марионеточного режима в Южном Вьетнаме⁴, то уже 1 апреля 1965 г. правительство Джонсона приняло новое решение об использовании американских сухопутных войск для наступательных операций против южновьетнамских патриотов, в соответствии с чем в Южный Вьетнам были посланы 20 тыс., а затем до конца года еще около 200 тыс. морских пехотинцев, парашютистов и солдат США.

Вступая в сухопутную войну в Азии, правительство Джонсона направляло свой удар против национально-освободительного движения. В то же время правящие круги США надеялись «устрашить», изолировать, подорвать активность и влияние двух других главных революционных сил современности — мирового социалистического содружества и рабочего движения в развитых капиталистических странах. 28 мая 1965 г. в Байлорском университете Джонсон заявил, что установление международного мира будто бы невозможно без сохранения классового мира. Далее Джонсон утверждал, что национально-освободительные движения — это якобы «современный вид агрессии, практикуемый коммунистами», с которым США обязаны и будут бороться вместе со своими союзниками или даже без них⁵. С аналогичными заявлениями выступили вице-президент Г. Хэмфри, министр обороны Р. Макнамара, государственный секретарь Д. Рэск и другие официальные лица. США «идут к тому, чтобы поставить вне закона коммунистические войны национального освобождения», — кратко резюмировал все эти высказывания журнал «Life»⁶, забыв добавить при этом, что сие от них не зависит.

Если национально-освободительное движение было избрано американскими империалистами в качестве непосредственного объекта их контрнаступления против революционных сил современности, то среди различных его отрядов и регионов они главное внимание, бесспорно, уделили Вьетнаму. Огромный размах и упорный характер национально-освободительной борьбы в Южном Вьетнаме, тесная связь этой борьбы с успехами строительства социализма в Демократической Республике Вьетнам, с выступлениями других народов Индокитая, братские отношения и поддержка вьетнамского народа Советским Союзом и другими социалистическими странами, обширные стратегические, экономические, дипломатические интересы американского империализма в Юго-Восточной Азии и, наконец, особое отношение Джонсона к этому району земного шара, напущенное выражение в его «азиатской доктрине», — все это предопределило решение правительства США начать открытую агрессивную войну против Вьетнама.

Генерал Тейлор в меморандуме от 22 января 1964 г. писал, что, по мнению комитета начальников штабов, если США удастся «достигнуть своих целей в Южном Вьетнаме», то это значительно укрепит их позиции во всей Юго-Восточной Азии, и даже Африке и Латинской Америке! Столкновение во Вьетнаме является «первым реальным испытанием нашей решимости нанести поражение коммунистическим войнам, которые ведутся в форме национально-освободительной борьбы». Вот почему Южный Вьетнам становится главной ареной в «нашей всемирной конфронтации с коммунистами и требует того, чтобы конфликт здесь был доведен до благоприятного завершения столь скоро, как это возможно». Эти формулировки были почти слово в слово повторе-

³ «Ramparts», December 1966, p. 5.

⁴ Хотя американская пропаганда и утверждает, будто бы интервенция США в Индокитае явилась ответом на просьбу «законного» сайгонского правительства, тем не менее известно, что в ответ на поручение президента Джонсона американскому послу в Сайгоне генералу Тейлору «согласовать» с южновьетнамским правительством решение США о систематических бомбардировках ДРВ посол ответил, что ему трудно это сделать «в условиях фактического безвластия» в Сайгоне! — «The Pentagon Papers», p. 390—391.

⁵ «The New York Times», 29—30.V.1965.

⁶ «Life», 12.VII.1965, p. 15.

ны в меморандуме № 288 Совета национальной безопасности от 17 марта под названием «Цели США в Южном Вьетнаме»⁷.

Заявляя, что национально-освободительное движение будто бы «инспирируется и питается мировым коммунизмом», американские дипломаты и военные «предупреждали», что в борьбе против него США «в случае необходимости» не остановятся даже перед распространением своих бомбардировок и военных действий на территорию социалистических государств, с которой якобы ведется «агрессия».

Возвращение внешней политики США к худшим временам «холодной войны», нашедшее свое наиболее яркое отражение в «азиатской доктрине» Джонсона и агрессии во Вьетнаме, объяснялось целым рядом как объективных, так и субъективных причин. Одной из них было сильное недовольство правых сил Америки — антикоммунистов и расистов, представителей военно-промышленного комплекса, гольдштейновского крыла республиканской партии и реакционной бюрократии — той политикой признания некоторых прогрессивных процессов на мировой арене и попыткой приспособления к ним, которую начал проводить Дж. Кеннеди в отношении социалистических и некоторых развивающихся стран. Если дипломатия «новых рубежей» стремилась установить определенные взаимоотношения с рядом революционных, освободительных движений и режимов, чтобы «мирно проникнуть» в них, подчинить их своему влиянию, направить по приемлемому для империализма пути развития, то американские «бешеные», не желая следовать такой тактике, требовали «открытой и бескомпромиссной» борьбы со всеми «антиамериканскими силами», насилиственного их подавления и разгрома. Выступая против любых проявлений реализма в американской политике и раскрывая глобальные цели империализма США, печатный орган Уолл-стрита провозглашал: «Мы просто не можем позволить, чтобы страна за страной в Латинской Америке и Африке захватывалась коммунистами... Единственный язык, который лидеры коммунистов понимают, — это язык силы... Необходимость в твердости вплоть до балансирования на грани войны или готовности рисковать конфронтацией держав столь очевидна, что трудно понять, почему этот урок не усвоен»⁸.

Давление правых, несомненно, нашло определенный отклик у новой администрации в Вашингтоне. К тому же сами правительственные круги, очевидно, все больше склонялись к мысли, что внутреннее и внешнее положение страны в середине 60-х годов складывается благоприятно для попытки восстановить гегемонию США на мировой арене.

Джонсон весьма произвольно истолковал успешные для него результаты выборов в 1964 г., расценивая их как личный вотум доверия, как право на проведение политики по его собственному усмотрению. Победив на выборах под лозунгами политики мира, Джонсон использовал выраженное ему доверие для развертывания агрессивного курса, основанного на давно изживших себя установках политики «с позиции силы».

Стимулируя гонку ракетно-ядерных и обычных вооружений, руководители Пентагона ставили перед собой задачу усилить материально-техническую базу для проведения политики «устрашения» СССР и других социалистических стран, «локальных» войн против национально-освободительных движений. Дальнейшее наращивание военных приготовлений США привело к еще большему возрастанию влияния Пентагона на американскую политику. Весной 1965 г. начальник штаба американской армии Г. Джонсон после инспекционной поездки в Южный Вьетнам объявил, например, что пентагоновские генералы рассматривают нынешнюю войну в Индокитае как возможное начало целого ряда «локальных войн», направленных против коммунистических держав и на создание «стабильных», т. е. благоприятных для американского неоколониализма условий в нарождающихся государствах⁹.

В оживлении иллюзий о «всесилии» Америки наряду с наращиванием военной мощи большую роль сыграло также быстрое развитие в 60-е годы ее экономического и научно-технического потенциала, связанное с длительным периодом подъема экономики в 1961—1967 гг.

⁷ «The Pentagon Papers», p. 274—275, 284.

⁸ «Magazine of Wall Street», 8.II.1964, p. 500—501.

⁹ «Правда», 5.IV.1965.

Несомненно, что для такого импульсивного политика, как Джонсон, соединение личного успеха с последними экономическими, научно-техническими, а главное военными достижениями возглавляемого им государства было слишком большим искушением, чтобы не попытаться осуществить самые амбициозные проекты как внутри США, так и за их пределами. Неслучайно именно в окружении президента пышно расцвели различные теории о вступлении Америки намного раньше других стран в «технотронную эру» (З. Бжезинский), о возможности установления «американского технократического века» (У. Ростоу), снова получили хождение лозунги о «всемирном лидерстве и миссии США» и т. п.

Убежденность во «всесилии» США, их «предназначении» и способности диктовать свою волю остальным странам сочеталась у Джонсона с верой в собственную «непогрешимость» и возможность единолично решать судьбы Америки и всего мира. «Еще задолго до того, как Линдон Джонсон вступил в Белый дом, — свидетельствует Э. Голдмэн, — в своих собственных мыслях он превратил президентство в близкий к всемогуществу, почти непрступный институт в той степени, в какой это относилось к важнейшим вопросам внешней политики... Президент изучает ситуацию, советуется и приходит к решению. Он должен получить поддержку народа Соединенных Штатов. Не оказать такую поддержку — значит расколоть единство страны и ослабить национальные усилия в период конфронтации с потенциальными или реальными противниками. Еще хуже, это оказалось бы помочь враждебным силам. Для Линдона Джонсона... двухпартийность почти означала, что решения президента не должны ставиться под вопрос или критиковаться»¹⁰.

Чем сильнее ослепленность или опьянение «самонадеянностью власти», тем, как правило, все более ограниченно реальное восприятие и оценка действительности. Наглядным свидетельством этого может служить большая часть деятельности Джонсона на посту президента, и особенно его политика в Азии. Отражением непомерных претензий и честолюбивых замыслов Джонсона (а заодно и его недальновидности, плохого знания истории, экономики и международных отношений) явились его первые же президентские послания и заявления о том, что США якобы являются единственной державой, способной одновременно иметь «и пушки, и масло», т. е. проводить политику силы и агрессии на мировой арене и строить « процветающее» так называемое великое общество у себя дома. Причем и то, и другое должно было служить как личной славе Джонсона, так и установлению мирового господства США.

Выступая с претенциозной программой построения «великого общества» в Америке, Джонсон недвусмысленно давал понять, что эта программа имеет не только внутриполитические, но и важные дипломатические цели — служить «примером» для переустройства всего остального мира по образу и подобию США и под их руководством. «Мы намереваемся показать, — говорил он, — что мечта нашей нации о великом обществе не останавливается у берегов океана и что это не только американская мечта. Все призываются разделить ее. Все приглашаются содействовать ей»¹¹.

Постоянный представитель США в ООН А. Гольдберг, развивая эти мысли президента, сказал: то, чего США с помощью программы «великого общества» добиваются для американского народа у себя дома, они стремятся дать и всему человечеству¹². Если в этих словах и была доля правды, то она состояла в том, что американские правящие круги хотели увековечить капиталистическую эксплуатацию, систему социального и национального гнета, расовую дискриминацию и неравенство, лишение демократических прав и насилие не только в США, но и в других странах. Именно поэтому проекты создания «великого общества» еще больше усугубляли агрессивность и авантюристичность политики США. «Проекция великого общества на международную сцену... — отмечал известный американский ученый Г. Моргентау, — является миссионерством в теории и крестовым походом на практике», что равнозначно попытке «остановить распространение коммунизма в мировом масштабе силой оружия... под воздействием доктрины, которая утверждает временное превосходство американской военной мощи»¹³.

¹⁰ E. F. Goldmann. Op. cit., p. 413—414.

¹¹ «The Department of State Bulletin», 4.X.1965, p. 551.

¹² «The Department of State Bulletin», 11.X.1965, p. 581.

¹³ H. J. Morgenthau. A New Foreign Policy for the United States. New York — Washington — London, 1969, p. 18, 85.

Склонность Джонсона к скоропалительным решениям не позволяла ему прислушиваться к мнению правительства других стран, писал Э. Голдмэн. «Его высокопарный патриотизм, его презрение к дипломатии и его пристрастие к базарному жаргону — все это не способствовало развитию контактов между ним и дипломатами, заседающими в международных организациях»¹⁴. Несомненно, что все эти личные качества президента, обладающего колоссальной властью, должны были повести и повели к возрождению и усугублению самых отрицательных черт дипломатии «холодной войны».

То, что в американской политике произошел явный поворот в сторону «тексасского стиля», т. е. скоропалительного хватания за оружие и произвольного использования его без учета норм международного права и мирового общественного мнения, отмечали многие американские обозреватели. Видный комментатор Т. Уикер считал, что президент не испытывал никаких серьезных колебаний по вопросу о прямом и грубом применении силы. Джонсон, очевидно, ставил специфические американские интересы, как он их понимал, выше более абстрактных забот, например, о «мировом общественном мнении» или о чувствительности латиноамериканцев к «интервенционизму»¹⁵.

«Ужесточение» внешней политики США при Джонсоне проявлялось во многих районах мира — в Европе, Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Однако в наибольшей степени оно выявилось в Азии, в агрессивной войне США против народов Вьетнама и других стран Индокитая, где экспансионистские и классовые цели американского империализма слились с высокомерием, самонадеянностью, ограниченностью и упрямством самого президента и его окружения. «Азиатская доктрина» Джонсона с начала и до конца представляла собой заранее обреченную на провал попытку действовать в духе худших канонов «холодной войны», хотя правительство Джонсона и пыталось как-то маневрировать, маскировать, приспособливать свою политику к быстро меняющимся условиям на мировой арене и внутри США.

ДВА ЛИЦА ПРЕЗИДЕНТА ДЖОНСОНА

Повсеместный рост критики и сопротивления агрессии США во Вьетнаме очень скоро вынудил правительство Джонсона прибегнуть к различным дипломатическим и пропагандистским маневрам для ее «прикрытия». Уже в конце марта 1965 г. Белый дом опубликовал заявление о том, что президент «готов в любое время поехать куда угодно и встретиться с кем угодно, если появится малейшая надежда на установление почетного мира»¹⁶.

Как свидетельствует Э. Голдмэн, формула: «Я — поеду — в любое место — ради мира», которая с марта 1965 г. неоднократно использовалась Джонсоном, чтобы утихомирить критиков его политики во Вьетнаме, впервые была использована им во время избирательной кампании 1964 г. И ни в то время, ни в дальнейшем эта формула не содержала в себе ничего реального, а лишь прикрывала отсутствие какого-либо серьезного намерения обеспечить прекращение войны в Азии¹⁷.

Новое лицемерное предложение начать переговоры о мире во Вьетнаме «без каких-либо предварительных условий» было сделано президентом Джонсоном в речи перед студентами и преподавателями университета Джона Гоукинса в Балтиморе 7 апреля 1965 г. Вытянув руки в мессианском жесте, президент призвал к соглашению азиатских стран, которые «под руководством и с помощью США предпримут обширную программу экономических и социальных улучшений»¹⁸. В связи с этим Джонсон снова выдвинул проект технико-экономического развития бассейна реки Меконг, на который США могли бы ассигновать 1 млрд. долл. и в котором могла бы участвовать... Демократическая Республика Вьетнам.

Разъясняя смысл этих заявлений, американская печать признавала, что они призваны дополнить военное давление дипломатическим и социально-экономическим маневрированием с тем, чтобы положить конец национально-освободительной борьбе народов Индокитая. Программа экономической, технической и культурной помощи

¹⁴ E. F. Goldmann. Op. cit., p. 379—382.

¹⁵ «The New York Times», 5.V.1965.

¹⁶ «The New York Times», 26.III.1965.

¹⁷ E. F. Goldmann. Op. cit., p. 223—224.

¹⁸ Ibid., p. 407.

была призвана попытаться хоть сколько-нибудь расширить местную базу для проведения американской политики в Юго-Восточной Азии, укрепить здесь проамериканские режимы, привлечь на их сторону определенные круги населения, содействовать развитию капиталистических отношений в азиатских странах в интересах монополий и правящих кругов США.

Лицемерный характер деклараций президента о готовности к переговорам и поискам мира «без ограничения какими-либо условиями», о желании «содействовать прогрессу» в Азии определялся не только тем, что Вашингтон сопровождал эти заявления все большей эскалацией войны, но и тем, что в неоднократных выступлениях президента выдвигались требования полной капитуляции Фронта национального освобождения Южного Вьетнама, сохранения в неприкосновенности сайгонского режима и американского господства в Индокитае. «Мы не уйдем ни открыто, ни под завесой ничего не значащего соглашения...», — говорил Джонсон. — И мы должны быть готовы к длительному непрерывному конфликту»¹⁹.

Такой же характер носили и объявлявшиеся несколько раз в 1965—1967 гг. американским правительством «паузы» в бомбардировках ДРВ. Официальной целью этих «пауз», первая из которых была сделана на пять дней еще в апреле 1965 г., являлось стремление продемонстрировать мнимую готовность США к мирным переговорам, чтобы дать ДРВ возможность «изучить» предложения президента Джонсона, которые, однако, заведомо были неприемлемы для патриотов Вьетнама. В действительности же эти «паузы» должны были помочь американской дипломатии успокоить общественное мнение в США и дать передышку американским вооруженным силам, воевавшим в Индокитае.

Как видно из документов Пентагона, следующая «пауза» в мае того же года планировалась ввиду... «досрочного» завершения очередного цикла бомбардировок ДРВ. «Это обстоятельство и праздники в честь рождения Будды, — сообщал Джонсон генералу Тейлору 10 мая, — дают мне прекрасную возможность для перерыва в воздушных рейдах, которую... я мог бы использовать с целью благотворно повлиять на общественное мнение». Задача плана — расчистить пути для восстановления мира на американских условиях или «для усиления военных действий»²⁰.

«Рождественская пауза» накануне 1966 г. сопровождалась неудачной попыткой правительства США вновь поставить в ООН вьетнамский вопрос. Кроме того, оно спешно организовало совещание в Гонолулу на «высшем уровне» между президентом Джонсоном, командующим американскими войсками в Южном Вьетнаме, генералом Уэстморлендом и тогдашним сайгонским диктатором Ки, на котором была выработана так называемая Гонолулская декларация о «завоевании сердец народов», социально-экономических реформах и даже «революции» в Южном Вьетнаме! Но, по признанию большинства обозревателей, эта декларация опять-таки лишь прикрывала упорный отказ США от поисков мирного урегулирования во Вьетнаме и их подготовку к дальнейшей эскалации войны в призрачной надежде «одержать победу». Ожесточенные боевые действия и карательные экспедиции, массовые переселения жителей, преследования любой оппозиции и невиданная коррупция в Южном Вьетнаме свидетельствовали о том, что никакие социальные реформы не были возможны, не говоря уже о том, что ни правительство Джонсона, ни тем более сайгонские власти серьезно и не помышляли о них.

Пытаясь вовлечь другие страны в осуществление американских планов «умиротворения» Вьетнама и создания «великого общества» в Азии, правительство США занялось склонением нового союза в этом районе земного шара, который должен был, во-первых, сделать соучастниками агрессии США в Индокитае страны, еще не участвовавшие в войне; во-вторых, стать более широкохватывающим и эффективным, чем СЕАТО; и в-третьих, носить не только военно-политический, но и технико-экономический характер.

Активные переговоры о создании нового блока стран Тихого и Индийского океанов джонсоновская дипломатия развернула с конца 1965 — начала 1966 г. План создания такого блока обсуждался, в частности, во время поездки Хэмфри в Австра-

¹⁹ «Правда», 9.IV.1965.

²⁰ «The Pentagon Papers», p. 446.

лию в феврале 1966 г., когда он сделал заявление о необходимости «партнерства» США с другими странами Азии и Австралией и о том, что эта задача уже постепенно реализуется²¹.

В июне 1966 г. в Сеуле была созвана конференция министров иностранных дел Японии, Австралии, Новой Зеландии, Таиланда, Филиппин, Малайзии, Южной Кореи, Южного Вьетнама и Тайваня. Формально на повестке дня стояли вопросы экономического и культурного сотрудничества стран Азии и Океании. Конференция в Сеуле выразила свою «солидарность» с сайгонским режимом, поддержала большую часть планов США в Азии и приняла решение о создании постоянной организации 9 стран — Азиатского и тихоокеанского совета (АЗПАК). Как отмечалось в заявлении ТАСС по этому поводу, «предпринимая закулисную игру с созданием сеульского блока, правящие круги США стремятся укрепить американские военно-политические позиции в Азии и в западной части Тихого океана, пристегнуть в одну упряжку своих партнеров по двусторонним военным договорам, союзников по СЕАТО и АНЗЮС, а также марионеточные режимы. Такой союз явно преследует цель борьбы против национально-освободительного и демократического движения, нажима на миролюбивые независимые страны»²².

БЕССЛАВНАЯ ПОПЫТКА ВОЙТИ В ИСТОРИЮ

Новая эскалация войны во Вьетнаме после «рождественской паузы», совещание в Гонолулу и создание АЗПАК во многом подготовили официальное провозглашение в несколько измененном виде «азиатской доктрины» Джонсона в июле 1966 г. Этот вариант сохранил почти полностью главные цели и стратегию, как они были сформулированы Джонсоном еще в мае 1961 г. В то же время в нем появились дополнительные моменты, особенно важным среди которых было провозглашение «нового» отношения США к маоцзэдуновскому правительству КНР.

«Китайский фактор» играл большую роль на всем протяжении развертывания американской агрессии во Вьетнаме. Длительные сомнения и колебания в Вашингтоне относительно того, как действовать дальше в Индокитае и в других районах мира перед лицом нарастающего национально-освободительного движения, были отброшены в сторону лишь после того, как руководители КНР отвергли в конце 1964 г. и позднее неоднократные предложения КПСС о прекращении полемики и принятии мер по восстановлению единства всех борцов за социализм, мир и свободу. «Своей способностью проводить чрезвычайно рискованный курс во вьетнамском конфликте, — признавал журнал «Magazine of Wall Street», — США не в малой степени обязаны все расширяющемуся расколу между Россией и Красным Китаем». Этот раскол является одной из «главных причин уверенности президента Джонсона в том, что его политика непрерывного военного давления» в конечном счете принудит красных прекратить свои враждебные действия и сесть за стол переговоров на условиях, подходящих для США»²³.

Растущий антисоветизм групшивоки Мао цзэ-дуна, сверхосторожность КНР в оказании помощи антиимпериалистическим силам и в противодействии американской агрессии во Вьетнаме, начавшаяся в КНР междуусобная борьба и «культурная революция» постепенно убедили правительство Джонсона в том, что КНР не представляет серьезной угрозы его планам и политике в Азии, и привели в 1966 г. к началу пересмотра американского курса в отношении Китая. Прежде всего Вашингтон значительно умерил враждебную пропаганду против Пекина, на который до этого возлагалась чуть ли не главная ответственность за «коммунистическую агрессию» во Вьетнаме и всей Юго-Восточной Азии. Правительство Джонсона объявило об отмене запрета на визиты американцев в КНР. В марте 1966 г. устами вице-президента Хэмфри американская дипломатия охарактеризовала свой новый курс в отношении КНР как «сдерживание без обязательной изоляции».

Стремление использовать антисоветскую политику руководителей Китая для углубления разногласий в рядах революционного и освободительного движения, для противопоставления одних азиатских стран другим, для «изоляции» Азии от осталь-

²¹ «Правда», 24.II.1966.

²² «Правда», 29.V.1966.

²³ «Magazine of Wall Street», 3.IV.1965, p. 52—53.

ных районов мира и установления здесь гегемонии США — все это явственно проявилось в новом варианте доктрины Джонсона, обусловленного, наряду с текущей ситуацией, также долговременными целями стратегии господствующих кругов Вашингтона.

Война во Вьетнаме и борьба вокруг нее приближались к своему решающему моменту. Оппозиция этой войне, ее тяготы все сильнее чувствовались в США. На карту ставился личный престиж Джонсона, его правительства и представляемого им течения в правящих кругах. «Вьетнамская война, — свидетельствовал Э. Голдмэн, — не только заняла целиком президента Джонсона; она стала господствовать над ним... Чтобы ни случилось, он намеревался выиграть эту войну. Ему было трудно заинтересоваться чем-либо еще, не связанным непосредственно сней... К лету и осени 1966 г. национальный реформатор великого общества стал руководителем войны, все больше и больше сближившимся с консерваторами и отныне избегавшим фразы «великое общество» в своих речах. Некогда полный энтузиазма лидер в результате вспыльчивости и гнева становился день ото дня все более ожесточенным, грубым, капризным и подозрительным относительно честности каждого, кто не поддерживал войну во Вьетнаме»²⁴.

Однако развитие событий во Вьетнаме и Азии в целом поставило вопрос не только о судьбе той или иной администрации или президента США, но и о позициях американского империализма в этом обширнейшем регионе мира.

Рост престижа СССР и братских социалистических государств, расширение их связей с азиатскими странами, большая помощь и поддержка с их стороны национально-освободительным движениям и прогрессивным правительствам, активизация борьбы народов Азии за полное избавление от иностранного господства и эксплуатации, укрепление и развитие Индии, Шри Ланка, Бирмы, Малайзии и других молодых азиатских государств, идущих по самостоятельному подчас некапиталистическому пути и проводящих нейтралитскую политику, с одной стороны, возрождение и быстрое усиление Японии, снова развертывающей свою экспансию на азиатских рынках, тенденции к независимому азиатскому регионализму — с другой, все больше ухудшали положение американского империализма в Азии. Не желая мириться с этим, Вашингтон в середине 60-х годов усилил азиатское направление своей глобальной политики с тем, чтобы не только предотвратить дальнейшее «вытеснение» США из Азии, но и попытаться подавить здесь освободительные и революционные движения, сохранить этот регион в системе мирового капитализма, поставить его под свой более полный контроль. «Причины, по которым мы должны бороться за Вьетнам, имеют мало общего с обеспечением Сайгону «демократии» или «свободы»... — откровенничал известный американский военный обозреватель Х. Болдуин. — В географическом отношении... Вьетнам — это вытянутая рука, указывающая на богатый Индонезийский архипелаг и примыкающая к стратегически важным морским путям. Тот, кто господствует здесь, в конечном счете будет контролировать большую часть Индонезийского архипелага». Победа во Вьетнаме должна гарантировать сохранение американских позиций на «островных бастионах»: Филиппинах, Тайване, Окинаве и Японии и укрепить положение США в Пакистане, Индии, Малайзии, Лаосе и Бирме²⁵.

Таким образом, сочетание в середине 1966 г. благоприятных и неблагоприятных для США обстоятельств, конъюнктурных и долговременных тенденций, объективных и субъективных моментов и привело к тому, что 12 июля 1966 г. в обращении по радио и телевидению к американскому народу «О четырех основных предпосылках мира в Азии» президент публично изложил свой последний вариант того, что вошло в историю под названием «азиатская доктрина» Джонсона.

Президент объявил: «Азия ныне — это решающая арена человеческой борьбы за независимость и порядок, за саму жизнь». Излагая далее свою трактовку «мира и порядка» в Азии, Джонсон снова обрушился на борьбу азиатских народов за национальное и социальное освобождение, отождествляемую им с «агрессией». Вместе с тем президент вынужден был признать, что будущее Азии лежит на путях достижения мира между коммунистическими государствами и их соседями, между малыми и большими странами, между людьми всех цветов кожи и вероисповедания. Мир, продолжал

²⁴ E. F. Goldmann. Op. cit., p. 498—499.

²⁵ «Правда», 5.IV.1965.

Джонсон, должен поддерживаться «международной торговлей, свободным потоком людей и идей, всесторонним участием всех стран в международном сообществе под эгидой закона, общей преданностью великой задаче человеческого прогресса и экономического развития»²⁶. В понимании правящих кругов США это означало: сохранение данного региона в орбите капитализма, «замораживание» старых эксплуататорских и неоколониалистских порядков, превращение Азии в «умиротворенный», обширный стабильный рынок для «свободного» движения капиталов, товаров, людей и идей, прежде всего, разумеется, из США. Чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений, какой мир и какими методами он собирается установить в Азии, президент указал на следующие его основы: США и впредь будут «выполнять свои обязательства в Азии в качестве тихоокеанской державы»; «партизанская война, инспирированная одной страной против другой, никогда не сможет достигнуть успеха»; создание политически и экономически сильных «свободных», т. е. капиталистических государств в Азии; «примирение между странами, которые называют себя сегодня врагами», наличие «мирного континентального Китая»²⁷.

Провозглашение 12 июля 1966 г. нового варианта «азиатской доктрины» Джонсона было призвано продемонстрировать всему миру, что на данном этапе исторического развития руководители США сделали окончательный выбор и преисполнены решимости не отступать от его осуществления ни при каких условиях. Более того, со своей склонностью к выдвижению «великих проектов» и мессианских целей администрация Джонсона попыталась представить определенную переориентацию в глобальной стратегии США, носящей временный и в известной мере вынужденный характер, как исторически предопределенный шаг, имеющий эпохальное значение.

«Президент Джонсон, — подчеркивал в связи с этим журнал «Magazine of Wall Street», — окончательно и полностью обязал США играть роль великой державы в Азии, роль, которая выходит далеко за пределы их нынешней активности в Юго-Восточной Азии»²⁸.

Попытки правительства Джонсона и его апологетов представить притязания на установление американского господства над Азией, как «предначертание истории», наступление «золотой эры» на Тихом океане, их стремление изобразить длительную и кровавую войну во Вьетнаме, как всего лишь «отдельный эпизод» в ходе выполнения «благородной миссии» США в этом районе земного шара, не могли, однако, никого обмануть. Еще более лживый характер носили заявления об «историческом вкладе» Джонсона в развитие азиатской и мировой цивилизации в тот момент, когда президент покрывал позором собственное имя и репутацию своей страны, настойчиво преследуя насилиственными, жестокими мерами авантюристические агрессивные цели.

Выдвижение «азиатской доктрины» в известной мере вызывалось не только желанием задушить с помощью военной интервенции освободительную борьбу и превратить Азию в такое же «спокойное» место для деятельности американских монополий, как Западная Европа, которая до сих пор занимала главное место в глобальной стратегии США. Она демонстрировала также явное пренебрежение к интересам всех остальных держав, проводящих в этом районе независимую, направленную на обеспечение мира политику. Не случайно, Д. Раск заявил однажды, что, наряду с отказом считаться со своими союзниками по СЕАТО — Францией и Пакистаном, «США намереваются выполнить свои азиатские обязательства, даже если это вызовет новый кризис в отношениях с Россией в Европе»²⁹.

В то же время американская печать отмечала, что в конечные цели «азиатской доктрины» Джонсона входит стремление США силой и угрозами, с одной стороны, обещаниями помочь и «дружбы», с другой, добиться приемлемого для обеих сторон модус вивенди с Пекином в Азии. «США предпринимают ныне осторожную попытку более гибкого подхода к красным китайцам», — отмечал в этой связи «U.S. News and World Report»³⁰.

²⁶ «American Foreign Policy: Current Documents», 1966. Washington, 1969, p. 626—627.

²⁷ Ibid., p. 627—629.

²⁸ «Magazine of Wall Street», 23.VII.1966, p. 412—413.

²⁹ «Magazine of Wall Street», 23.VII.1966, p. 413.

³⁰ «U. S. News and World Report», 25.VII.1966, p. 29.

Таким образом, выдвигая снова и снова свою «азиатскую доктрину», Джонсон ставил весьма обширные и долгосрочные цели, начиная от насилиственного подавления национально-освободительной борьбы народов Индокитая и гарантирования с помощью военной силы «выживания» и сохранения капиталистических и неоколониалистских порядков в Юго-Западной Азии и кончая экономической и военно-политической интеграцией азиатских стран под гегемонией США с последующим вовлечением в эту интеграцию КНР.

Руководители американской политики, разумеется, не могли не понимать, что избранный ими путь не только не гарантирует легких побед, но и чреват серьезными международными последствиями, осложнением отношений со многими странами, ростом военной угрозы. Серьезные предупреждения об этом делались с разных сторон, в том числе и со стороны некоторых более дальновидных американцев. «Несмотря на все свои богатства, военную силу и идеологические претензии, которые исходят ныне из Белого дома и госдепартамента, — писал У. Липпман, — США не в состоянии быть мировым полицейским и вести крестовый поход за свой образ жизни и свои излюбленные доктрины». Объяснение этому он видел в том, что в мире существуют другие великие державы, которые не будут повиноваться США; что «слабые и бедные народы» трудно покорить, потому что многие из них готовы умереть за свободу; что военное превосходство западного мира наталкивается на трудности в борьбе с партизанами³¹.

С помощью «азиатской доктрины» президент Джонсон рассчитывал заручиться поддержкой широких кругов общественности США и союзников, стимулировать дальнейшую эскалацию военных усилий США, оказать «психологическое» давление на противников войны во Вьетнаме внутри страны, а также на «колеблющихся и сомневающихся». «Когда я читал газеты и слушал аргументы наших критиков, — писал президент, — я сознавал, что они фокусируют свое внимание на одном Вьетнаме... Доведенные до своего логического заключения, которое не многие из них готовы объявить публично, их аргументы создавали впечатление, что наша страна не имеет каких-либо постоянных интересов в Азии. Я знал, что они не правы. Наши связи с Азией имели более чем столетнюю историю. Я был уверен, что эти связи станут еще более важными в будущем»³².

Официальное провозглашение в июле 1966 г. модифицированной доктрины Джонсона не только не содействовало осуществлению далеко идущих устремлений США в Азии, но, наоборот, оказалось своего рода рубежом, с которого особенно ясно стал виден разрыв между американскими притязаниями и возможностями, между целями и реально достигнутыми результатами.

Правительство США попыталось сделать объявленные в доктрине цели программы действий для американских союзников и других стран Азии и Тихого океана. Оно решило изобразить эти меры как проявление инициативы самих азиатских народов. Для этого американская дипломатия инспирировала ряд выступлений руководителей Южной Кореи, Таиланда, Филиппин, Малайзии с предложениями о созыве «всеазиатской конференции» для обсуждения насущных проблем Азии. Однако, поскольку всем было ясно (и этого не могли скрыть и сами авторы предложения), что среди этих проблем первое место займет Индокитай, на призывы принять участие в такой конференции не откликнулась ни одна из стран, не принимавших непосредственное участие в войне во Вьетнаме.

Чтобы спасти доктрину Джонсона от явного провала, было решено, что, во-первых, президент совершил новую поездку по странам Азии, во время которой еще раз разъяснил ее цели, и, во-вторых, на Филиппинах будет созвана конференция американских союзников «для обсуждения хода войны и невоенных программ развития» с намерением более широко поставить вопрос о будущем Азии. 17 октября 1966 г. вместе с миссис Джонсон и своим штабом президент вылетел из Вашингтона на Гавайи. В Гонолулу он выразил мнение, что есть еще люди, которые не могут понять роль Тихого океана

³¹ «Newsweek», 1.VIII.1966, p. 9.

³² L. B. Johnson. The Vantage Point. Perspectives of the Presidency 1963—1969. New York, 1971, p. 359. (Приведенный отрывок, с его многочисленными «я», весьма характерный для мемуаров Джонсона, еще одно свидетельство его крайнего честолюбия и тщеславия).

в будущем США. Но их голоса «становятся все более одинокими и тихими»³³. Иллюзорность подобного утверждения и очевидное упорство, с которым Джонсон пытался убедить других, а, возможно, и самого себя в реалистичности и осуществимости «азиатской доктрины», вряд ли могли произвести благоприятное впечатление на американскую, азиатскую и мировую общественность. Вероятно, поэтому аудиторию президента на всем протяжении его путешествия составляли в основном сугубо проамерикански настроенные деятели стран Азии и Тихого океана.

Из Гонолулу президент вылетел в Паго-Паго (Самоа), а затем в Новую Зеландию и Австралию. Отсюда он отправился в Манилу, где 24—25 октября и состоялась его встреча с руководителями Филиппин, Австралии, Новой Зеландии, Таиланда, Южной Кореи и Южного Вьетнама.

По предложению Джонсона участники конференции в Маниле согласились не именовать ее ни «войной», ни «мирной», поскольку первое название подорвало бы все декларации США об их стремлении к миру, а второе носило бы слишком лицемерный характер. Конференция приняла три документа — две декларации о так называемых «Целях свободы» и о «Мире и прогрессе в Азии и на Тихом океане» и рабочее коммюнике. В них, как признавал сам президент, повторялись принципиальные элементы внешней политики администрации: «оппозиция агрессии», т. е. национально-освободительной борьбе; «война против бедности, безграмотности и болезней; экономическое, социальное и культурное сотрудничество на региональной основе; поиски примирения и мира»³⁴.

Бесконечные призывы к прогрессу и миру не соответствовали, однако, реальным свершениям. Достигнутые результаты были далеки от обещанных целей. Как АЗПАГ, так и созданная в августе 1967 г. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в составе Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда не оправдали надежд джонсоновской дипломатии. Они не стали новыми военными союзами. Более того, их деятельность в области культуры и экономики, вопреки ожиданиям Вашингтона, приобрела даже антиамериканскую направленность. Операция «рисовый резервуар», осуществленная при содействии фонда Рокфеллера и приведшая к распространению в Азии новых высокорожайных сортов риса, создание Совета министров образования стран Юго-Восточной Азии, Межпарламентского азиатского союза, азиатских институтов технологий, сельскохозяйственных исследований, воспитания и труда, а также Азиатского банка развития, американская «помощь» долларами и советниками в проведении ряда мероприятий в области просвещения, аграрных преобразований, транспорта и связи, развития инфраструктуры в странах Юго-Восточной Азии — все это, разумеется, в лучшем случае несколько содействовало прогрессу чисто капиталистических и неоколониалистских отношений, а в худшем — укреплению позиций проамериканских, часто диктаторских, полуфеодальных милитаристских кругов и прежде всего сайгонского режима.

В конечном счете социально-экономическая сторона «азиатской доктрины» Джонсона снова оказалась прикрытием политики подавления национально-освободительных сил Вьетнама и всей Азии, что позволяло в случае достижения этой главной цели открыть дорогу к осуществлению заветной мечты президента Джонсона и правящей олигархии США — установлению «американского мира» в Азии.

США и другие участники конференции в Маниле заявили, что они намереваются вывести свои войска из Южного Вьетнама, но лишь после того, как другая сторона, т. е. Национальный фронт освобождения, прекратит свою справедливую борьбу и капитулирует. Это была еще одна авантюристическая попытка Джонсона навязать свою волю героическому народу Вьетнама.

В ночь с 25 на 26 октября Джонсон тайно вылетел из Манилы на американскую военную базу в Камранбее на побережье Южного Вьетнама. Здесь под покровом ночи он встретился, пожал руки и поговорил с несколькими десятками американских солдат и офицеров. Операция по «взаимному ободрению духа» была проведена за несколько часов, и к утру президентский самолет уже подлетал обратно к Маниле.

³³ L. B. Johnson. Op. cit., p. 248, 360.

³⁴ Ibid., p. 249.

Заключительный этап последнего визита президента в Азию проходил быстро. Настроение Джонсона было мрачное. Перелетая из Филиппин в Таиланд, а оттуда через Малайзию в Южную Корею, и, наконец, через Аляску домой, Джонсон думал уже не столько о шансах на американскую победу во Вьетнаме и Азии, сколько о том, какие безрадостные перспективы открываются перед ним. Его также беспокоила мысль о предстоящей хирургической операции, которую он должен был перенести. С таким настроением Джонсон дождливым серым утром 2 ноября вернулся в Вашингтон.

С растущим чувством раздражения и отчаяния президент осознавал безрезультатность своих действий в Азии. Каждый новый этап эскалации американской агрессии во Вьетнаме вел лишь к возрастанию риска и изоляции правительства США на мировой арене. Сомнения в разумности взятого курса стали охватывать подчас даже членов его семьи и кабинета. Дочери президента Люси и Линда, мужей которых он отправил воевать в Индокитай вместе с полумиллионом других американцев, спрашивали Джонсона, ради чего они переживают разлуку с ними и не останутся ли они молодыми вдовами. Против дальнейшего расширения войны во Вьетнаме выступил Макнамара, подавший вскоре в отставку. Приняв днем очередное решение о новых агрессивных актах против ДРВ, Джонсон, случалось, проводил затем бессонные ночи, терзаясь страхами, не приведет ли это решение к цеппой реакции всеобщей термоядерной катастрофы. «Война... стала для Линдона Джонсона все поглощающей страстью его президентства», — писали Р. Эванс и Р. Новак. — Она стала личной войной Джонсона больше, чем какая-либо другая война в XX в. для какого-либо другого президента; война, которую он... не мог кончить, которая разрушила единодущие вокруг него, привела к отчуждению либерального крыла его партии и создала угрозу для его более важных целей; война, ведомая без серьезных союзников, без линий фронта и без удобной и легко провозглашаемой цели тотальной победы, которая окружала ореолом другие войны»³⁵.

ПРОВАЛ «АЗИАТСКОЙ ДОКТРИНЫ» И ПОЛИТИКИ ДЖОНСОНА

Политика Джонсона в Азии все более явно деформировала и подрывала глобальную стратегию США. Вопреки планам Вашингтона поднять с помощью демонстрации своих «твёрдых намерений, решимости и силы» во Вьетнаме и всей Азии международный престиж США, укрепить их господствующие позиции в капиталистическом мире, эффект от его усилий оказывался противоположным. Чем шире разворачивалась агрессия США в Индокитае, чем больше сил и средств вкладывалось в нее, тем значительнее сокращались возможности американской дипломатии в других районах мира и в самой Азии, тем заметнее становились повсеместный рост антиамериканских настроений и сопротивление диктату и расчетам Вашингтона. «Быстро возросшие военные усилия США во Вьетнаме поставили страну перед риском подойти к пределу своих способностей вести войну в Азии и в то же время бороться за осуществление своих целей в остальных районах мира и строить великое общество в США»³⁶.

Ухудшение международных позиций США, рост экономических и социально-политических трудностей, обострение классовых и национально-расовых конфликтов в стране, усиление антивоенного движения и «кризис доверия» к правительству — все это свидетельствовало о крупнейшем просчете Джонсона в оценке «силы» Америки и ее возможностей диктовать свою волю народам Азии и других частей света. «Война во Вьетнаме и «кризис доллара», — признавал «U. S. News and World Report», — сделали ясным, что США... испытывают драматическую нехватку экономической и военной силы, необходимой, чтобы продолжать быть мировым полицейским и всемирным банкиром»³⁷. Более того, все это показывало, что упорные попытки осуществить «ази-

³⁵ R. Evans, R. Novak. Lyndon B. Johnson: the Exercise of Power. New York, 1966, p. 535.

³⁶ Ph. L. Geyelin. Lyndon B. Johnson and the World. London, 1966, p. 292.

³⁷ «U. S. News and World Report», 15.IV.1968, p. 60.

атскую доктрину» Джонсона привели к серьезному расколу и подрыву самого американского общества. Оно не стало «великим». Оно превратилось в «большое общество».

Основную роль в срыве военно-политических планов правительства Джонсона во Вьетнаме и Юго-Восточной Азии в целом сыграли национально-освободительные патриотические силы вьетнамского народа, опирающиеся на братскую помощь СССР и других социалистических стран, самых широких кругов мировой общественности.

«Воплощая в жизнь интернационалистскую помощь Демократической Республике Вьетнам в борьбе против агрессии, СССР заключил с ней ряд соглашений о кредитах и товарообороте, о поставке продовольствия, нефтепродуктов, удобрений, оборудования, вооружения, боеприпасов, необходимых для укрепления ее оборонно-способности и развития экономики. Поставки СССР и других стран социализма обеспечили ДРВ необходимые материальные возможности для успешной борьбы против агрессии»³⁸. Советский Союз содействовал также в восстановлении промышленных предприятий, пострадавших от налетов авиации США, в подготовке кадров военных и гражданских специалистов, в освоении боевой техники и т. д. «Демократическая Республика Вьетнам, — подчеркнул в докладе на XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежnev, — может быть уверена, что и в вооруженной борьбе, и в мирном труде она может и в дальнейшем рассчитывать на братскую поддержку Советского Союза»³⁹.

С самого начала войны патриоты Вьетнама крепко держали в своих руках инициативу как на поле боя, так и в тылу, в политической, а затем и в дипломатической сфере. После нескольких лет успешного сопротивления они нанесли в январе 1968 г. сокрушительный удар по американским агрессорам и их сайгонским союзникам по всему Южному Вьетнаму. Именно этот удар, хотя он не принес и не мог принести единовременной решающей победы, оказался тем толчком, который потряс все основание стратегии и дипломатии правительства Джонсона. Запоздалые уверения президента в том, что США якобы знали и были готовы к такому удару, не могли никого убедить, а лишь окончательно подорвали доверие к способности правительства руководить страной. «Бунт» против президента распространился на его собственную партию. Многие демократы, начиная от рядовых членов и кончая сенаторами, давно и резко критиковали вьетнамскую политику Джонсона. Теперь ему был брошен открытый вызов сперва Ю. Маккарти, который на первичных выборах в Нью-Гэмпшире 12 марта получил почти столько же голосов, сколько и Джонсон (42,4 против 49,5 процента), а затем братом убитого президента — сенатором Р. Кеннеди, объявившим, что он также вступает в открытую борьбу за президентский пост на предстоящих в ноябре 1968 г. выборах. Это решение в конечном счете (очевидно, вместе с его неосторожным заявлением о намерении раскрыть правду об убийстве Джона Кеннеди) стоило жизни Роберту. Но оно явилось еще одним и очень сильным толчком к росту оппозиции против Джонсона.

В начале 1968 г. три процесса слились и усилили друг друга, писал американский исследователь С. Браун, достигнув кульмиационной точки в момент, когда Линдон Джонсон выбыл из президентской гонки, когда встал вопрос об изменении стратегии, направленной на окончание войны во Вьетнаме, и проявилась хотя и менее заметно «готовность некоторых официальных лиц заново рассмотреть священные до того момента догмы о мировой роли США». Первый процесс выявился во взрыве насилия в гетто, вызванном тем фактом, что на войну в маленькой азиатской стране выделялось большие ресурсов, чем на «войну с бедностью» дома. Второй состоял в том, что главным объектом внимания бунтовавших студентов стали вопросы войны и набора в армию. Наконец, третий проявился в выступлении К. Клиффорда, назначенного с 1 марта 1968 г. новым министром обороны вместо Р. Макнамары и высказавшегося за осторожную дескализацию войны во Вьетнаме и ее «деамериканизацию»⁴⁰.

После долгих и напряженных дискуссий среди военных и политических руководителей США в марте 1968 г. Белый дом отклонил требование генерала Уэстморлэнда о дальнейшем увеличении численности американских интервенционистских войск

³⁸ «Дипломатия социализма». Предисловие А. А. Громыко. М., 1973, стр. 218.

³⁹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 10.

⁴⁰ S. B. g o w n. The Faces of Power. Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Johnson. New York — London, 1969, p. 373—374.

до 750 тыс., отдал приказ об ограничении в будущем бомбардировок ДРВ районами, находящимися южнее 20 параллели, и выразил готовность начать переговоры с представителями ДРВ и Фронта национального освобождения Южного Вьетнама. Одновременно Джонсон объявил, что не будет добиваться сам и не примет выдвижения его кандидатуры демократической партией на новый срок на пост президента США.

Таким образом, «азиатская доктрина» Джонсона, ставшая главным проявлением его глобальной стратегии и вылившаяся в открытую агрессию во Вьетнаме, не только не принесла успеха США, но, наоборот, содействовала дальнейшему подрыву их военно-стратегических, морально-политических и финансово-экономических позиций на мировой арене, вызвала резкое обострение внутренних противоречий и борьбы в американском обществе, привела к краху карьеры ее главных авторов и прежде всего самого президента Джонсона.

Бесславный конец политической карьеры Джонсона был вполне закономерен. Он свидетельствовал о том, что в современную эпоху социальных и национальных революций заведомо обречены на провал любые попытки задержать ход истории, навязать народам неугодный им образ жизни. Биография Джонсона — это судьба государственного деятеля, воспитанного на иллюзиях прошлого, неспособного воспринимать новое и пытавшегося идти наперекор законам общественного развития. Его политический опыт, приобретенный в Техасе и в Конгрессе, его представления о внешнем мире, сложившиеся из школьных учебников по истории США и догм «холодной войны», оказались непригодными для руководства американской политикой на мировой арене во второй половине 60-х годов. Разработанная, взлелеянная и провозглашенная Джонсоном «азиатская доктрина», которая должна была увековечить его имя в истории, свелась к повторению старых внешнеполитических установок, нереалистичность которых все больше становилась очевидной и которые надо было радикально менять, а не пытаться упорно, ценой огромных жертв и разрушений строить на них свою стратегию. Расплата за эту преступную авантюристическую политику Джонсона была неизбежной.

Свое заявление по телевидению 31 марта 1968 г. об отказе от борьбы за переизбрание на пост президента Джонсон сделал со слезами на глазах. Это были слезы человека, жестоко просчитавшегося в своих ожиданиях, уставшего и надломленного, утратившего веру в самого себя. Джонсон вынужден был «досрочно и добровольно» отказаться от того высокого поста, достижение которого с ранних лет было главной целью всей его жизни и деятельности. Он принужден был фактически признать крах своей излюбленной доктрины и проводившейся на основе ее политики, которые обернулись для него позором и поражением. Он оказался вынужденным начать то самое «отступление» США из Азии, которого столько раз клялся не допустить. Он уходил из Белого дома, из Вашингтона назад в свой Техас. Уходил больной физически и морально. Он умер 22 января 1973 г., когда из Парижа стали поступать сообщения о предстоящем подписании соглашения о прекращении огня, выводе американских войск и установлении мира во Вьетнаме. Во многих некрологах о 36-м президенте США это совпадение было отмечено как символическое.